

История и мифология русской елки

Тема моей сегодняшней лекции – “История и мифология русской елки”. Речь пойдет о том, как еловое дерево стало использоваться русскими в роли новогоднего, или рождественского символа. Елка представляет в этом отношении очень удобный показательный ритуальный объект. Возникнув в современной ее функции рождественского новогоднего дерева относительно недавно, она дает возможность проследить, во-первых, историю ее укоренения в России, борьбу за нее и против нее, во-вторых, процесс насыщения ее, главным образом, с помощью литературы символическими значениями, в-третьих, изменения, которые претерпевал этот символический объект на протяжении своей истории в России и, наконец, в-четвертых, многозначность этого образа, когда для одних она выступает в одной функции, в то время как для других – в прямо противоположной или же вообще не имеет отношения к первой.

В настоящее время наряженная елка, стоящая в доме на Новый год, кажется нам столь естественной и само собой разумеющейся, что обычно не вызывает никаких вопросов. Подходит Новый год и мы, по усвоенной с детства привычке, покупаем елку, устанавливаем ее, украшаем, зажигаем на ней свечи или лампочки и радуемся ей. А между тем, обычай этот возник у нас относительно недавно. В последние десятилетия он начинает распространяться по всему миру и постепенно усваивается даже нехристианскими народами, в том числе и живущими на территории нашей страны.

Процесс принятия елки в России был долгим, противоречивым, а временами даже болезненным. Этот процесс самым непосредственным образом отражает настроения, пристрастия и состояние различных слоев русского общества. В ходе завоевания популярности, елка ощущала на себе восторг и неприятие, полное равнодушие и вражду. Проследивая историю русской елки, можно увидеть, как постепенно меняется отношение к этому дереву, как в спорах о нем возникает, растет и утверждается его культ, как протекает борьба с этим культом и за него, и как елка, наконец, одерживает победу, превратившись во всеобщую любимицу, ожидание которой и явление которой в рождественский сочельник или новогодний вечер становится одним из самых счастливых и памятных переживаний ребенка.

Прежде всего, я обращаю ваше внимание на то, что елка – это дерево, значит, она является растительным символом и рассматривать ее следует именно с этой точки зрения. Одухотворение и почитание деревьев, вера в то, что деревья являются живыми существами, в которые перешли души умерших, издревле было свойственно всем народам. Дерево всегда воспринималось носителем жизненных энергий, связывающих в единое целое мир человека, природы и космоса. В зависимости от географических и климатических условий, а также укоренившихся традиций, возникал культ дерева определенной породы, а вместе с ним и обычаи, поддерживающие этот культ. Особое почитание обычно отдавалось вечнозеленым деревьям, поскольку, согласно бытовавшим верованиям, наполненность вечной силой проявляется в них в большей степени, чем у опадающих на зиму лиственных. Стремясь получить от дерева поддержку, люди совершали различного рода обряды, в которых проявлялось поклонение дереву и почитание его. Иногда эти ритуальные

действия совершались вне дома, за пределами своего домашнего пространства. Люди шли в лес, в поле или же на берега водных источников, где росло почитаемое ими дерево или группа деревьев, которые могли служить предметом культа в течение многих лет или даже десятилетий. В других случаях культовое дерево срубалось, уносилось с места его произрастания и использовалось в праздничных процессиях или дома. В результате само дерево погибало. Но уверенность в том, что его использование, по существу, участие в церемонии благотворно скажется на судьбе людей, побуждало из года в год повторять данный обряд.

Культовое отношение к деревьям обычно связывалось с определенным праздничным сезоном. Основой для возникновения обычая рождественской елки послужило издревле свойственное всем народам почитание деревьев, зажигание на них огней и украшение их, а также представление о ставшем основой миропорядка мировом древе.

Теперь поговорим об образе ели в мировой мифологии. Ель – вечнозеленое хвойное дерево семейства сосновых с конусообразной кроной и длинными чешуйчатыми шишками – у многих народов использовалось в качестве культового дерева. История превращения ели в рождественское дерево до сих пор точно не установлена. Наверняка установлено лишь то, что это случилось на территории Германии, где ель во времена язычества была особо почитаемой и отождествлялась с мировым деревом. Именно здесь, у древних германцев, она и стала сначала новогодним, а позже – рождественским растительным символом. Среди германских народов издавна существовал обычай идти на Новый год в лес, где выбранное для обрядовой роли еловое дерево освещали свечами и украшали цветными тряпочками, после чего вблизи или вокруг него совершали соответствующие обряды. Со временем еловые деревца стали срубать и приносить в дом, где они устанавливались на столе. К деревцу прикрепляли зажженные свечи, на него вешали яблоки, сахарные изделия и облатки. Возникновению культа ели как символа не умирающей природы способствовал и ее вечнозеленый покров, позволявший употреблять ее во время зимнего праздничного сезона. После крещения германских народов обычаи и обряды, связанные с почитанием ели, начали постепенно приобретать христианский смысл, ее стали использовать в качестве рождественского дерева, устанавливая в домах уже не на Новый год, а в рождественский Сочельник – 24 декабря. После этого она и получила название рождественского дерева – Tannenbaum.

По поводу того, где и когда елка была использована в качестве рождественского дерева, существует множество мнений. По одним сведениям это случилось в Эльзасе в первой половине XVI века, по другим – это случилось в других местах Германии. Однако чаще всего начало использования ели как символа Рождества связывают с именем знаменитого немецкого реформатора Мартина Лютера, хотя в XVI веке, когда он жил, этот обычай еще не получил в Германии широкого распространения. Лютеру же приписывается и введение рождественского дерева в дом (хотя исторические свидетельства этого факта отсутствуют).

Окончательно на территории Германии рождественская елка была освоена только к середине XVIII века. К началу XIX столетия этот обычай начинает распространяться по другим странам Европы. Первыми переняли у немцев рождественское дерево жители северных европейских стран. Большинство народов Западной Европы начало активно усваивать традицию рождественского дерева только в середине XIX столетия.

В Европе елка была принята и церковью, пользуясь особым почетом в лютеранских кирхах, где она выжигается во время обрядового богослужения. Распространяясь по Европе крайне неравномерно, особенно трудно

рождественское дерево прививалось в странах православного вероисповедания.

Но прежде чем поговорить о том, как рождественское дерево было усвоено в России, скажем несколько слов о мифологии ели на Руси, которая была характерна для того времени, когда елка еще не была рождественской. Посмотрим, как воспринимали еловое дерево русские до этого времени.

Являясь одним из самых распространенных деревьев средних и северных широт российской территории, ель широко использовалась в хозяйстве. Ее древесина служила топливом. Она употреблялась в строительстве, впрочем, всегда считаясь материалом не самого высокого качества. Упоминание о ели в древнерусской письменности носит, как правило, чисто деловой характер – дровяной ельник, еловец (строевой еловый лес) и тому подобное. В образе ели люди древней Руси не видели ничего поэтического. Еловый лес, ельник – большой, глухой – из-за своей темноты и сырости отнюдь не радовал глаз. Произрастая по преимуществу в сырых и болотистых местах, называвшихся в ряде губерний елками, это дерево с темно-зеленой колючей хвоей, неприятным на ощупь шероховатым и часто сырым стволом, с которым иногда сравнивалась кожа Бабы-Яги, не пользовалось особой любовью.

Без симпатии вплоть до конца XIX века изображалась ель, как и другие хвойные деревья, и в литературе. Тютчев, например, писал:

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчат,
В снега и метели
Закутавшись, спят.
Их тощая зелень
Как иглы ежа
Хоть век не желтеет,
Но ввек несвежа.

А Владимир Яковлевич Пров говорил по этому поводу: “Темная буроватая ель и сосна в русском фольклоре не пользуются особым почетом, может быть и потому, что огромные пространства наших степей и лесо-степей их не знают”.

Деревья еловой породы оказались наделенными у русских сложным комплексом символических значений. Эти значения во многом отражают эмоциональное восприятие ели русскими. Внешние ее свойства и места ее произрастания, видимо, обусловили связь этого дерева с образами низшей мифологии: чертями, лешими и прочей лесной нечистью. В частности, это отразилось в пословице: “Венчали вокруг ели, а черти пели”, которая указывает на родство образа ели с нечистой силой. Вспомним стихотворение Федора Сологуба “Чертовы качели”, которое содержит следующие строки:

В тени косматой ели,
Над шумною рекой
Качает черт качели
Мохнатую рукой.

Слово “ёлс” стало одним из имен лешего, черта: “А коего тебе ёлса надо?”, а “еловой головой” стало принято называть глупого и бестолкового человека.

Ель традиционно считалось у русских деревом смерти. Существовал обычай: удавившихся и вообще самоубийц зарывать между двумя елками,

поворачивая их лицом в землю. В некоторых местах проживания восточнославянских народов был распространен запрет на посадку ели около дома из опасения смерти мужского члена семьи. Ель наряду с осиною считалась деревом, из которого запрещалось строить дома. Еловые ветви использовались, да и до сих пор широко используются, в погребальной практике. Ими выстилается путь, по которому идет похоронная процессия, их бросают в яму на гроб, а могилу прикрывают на зиму еловыми лапами.

Смертная символика ели была усвоена и получила широкое распространение при советской власти. Ель стала характерной деталью официальных могильников, прежде всего мавзолея Ленина, около которого, как все мы помним, были посажены серебристые норвежские ели. Как писал поэт Леонид Шершер:

Ели наклоняются старея
Над гранитом гулким мавзолея.

В последствии эти елки около Мавзолея стали соотноситься с Кремлевскими новогодними елками, как в стихотворении Якова Хилемского:

Сединою тронутые ели,
У Кремля равняющие строй,
В этот снежный полдень молодежи,
Новой восхищаются сестрой.

Названная здесь “новая сестра” – это елка в Большом Кремлевском Дворце, главная елка страны советов.

Два противоположных символических значения ели (исконно русский – смертный и усвоенный с запада – рождественский) здесь вдруг соединились, создав новое символическое значение преемственности ленинских идей в празднике советской детворы. Но об этом еще скажем позже.

Смертная символика ели нашла отражение в пословицах, поговорках, фразеологизмах. “Смотреть под елку” означает тяжело болеть, “угодить под елку” значит умереть. “Еловые деревни”, “еловая домовина” так называют гроб. “Пойти, или прогуляться, по еловой дорожке” – умереть.

Звуковая переключка спровоцировала сближение слова “елка” с рядом нецензурных слов, что также повлияло на восприятие русскими этого дерева. Характерен и елочный эвфемизм, широко употребительный и в наши дни: “елки-палки”, “елки-моталки” и прочее.

В настоящее время связь ели с темой самоубийства или насильственной смерти, как кажется, утратилась, и на кладбище она превратилась в один из символов вечной памяти. Посаженные у могилы елочки теперь часто можно увидеть на многих русских кладбищах.

Считаясь смертным деревом, ель наряду с этим в некоторых местах, видимо, по причине колючести хвои, использовалась и в качестве оберега. Ее вечнозеленый покров, отразившийся во многих загадках (“зимой и летом – одним цветом”, “осенью не увядаю, зимой не умираю”), стал основанием использования елки на свадьбах в качестве символа вечной молодости. Так, например, в Ярославской губернии и в ряде других российских губерний, когда девушки идут к невесте на девичник, то одна несет впереди елку, украшенную цветами; и называют эту елку “девья краса”.

Весь этот сложный и противоречивый смысловой комплекс, закрепленный за елью в русском сознании, не давал, казалось бы, оснований для возникновения ее культа, превращения ее в объект особого почитания. Но, тем не менее, это произошло. Вениамин Иоффе, исследуя “литературную

флору" (как он пишет) русской поэзии XIX – XX веков и говоря о нестабильности ботанического инвентаря, отмечает возрастание популярности ели с конца XIX века. Это, по-видимому, объясняется тем, что ель в сознании русских к этому времени уже крепко связалась с положительным символом рождественского дерева.

И теперь перейдем к разговору об истории ели на Руси в качестве новогоднего, или рождественского, символа. Не засвидетельствованный в русском народном обряде обычай новогодней елки ведет свое начало с Петровской эпохи. По возвращении домой после своего первого путешествия в Европу, состоявшегося в 1698 – 99 годах, Петр I устраивает в России календарную реформу. Согласно царскому указу от 20 декабря 1699 года, впредь предписывалось вести летоисчисление не от сотворения мира, а от Рождества Христова, а день новолетия, до того времени отмечавшийся на Руси 1 сентября, по примеру всех христианских народов, отмечать 1 января.

В этом указе давались также рекомендации по организации новогоднего праздника. В его ознаменовании было велено пускать ракеты, зажигать огни и украшать столицу, тогда еще Москву, вечнозеленой растительностью": По большим улицам, у нарочитых домов, пред воротами поставить некоторые украшения от древ и ветвей сосновых, еловых и можжевельных против образцов, каковы сделаны на Гостином дворе. А стоять тому украшению января в первый день".

Эта малозаметная в эпоху бурных событий деталь явилась началом долгого процесса усвоения елки в России. Однако к будущему обычаю рождественской елки указ Петра имел весьма косвенное отношение. Во-первых, город декорировался не только еловыми, но и другими хвойными деревьями. Во-вторых, в нем рекомендовалось использовать как целые деревья, со стволом, а значит и с внешними очертаниями дерева, так и ветви. И, наконец, в-третьих, украшения из хвои было предписано устанавливать не в помещении, а снаружи: на воротах, крышах трактиров, улицах и дорогах. Тем самым елка превращалась в деталь новогоднего городского пейзажа, а не рождественского интерьера, чем она стала впоследствии. Для Петра в водимом им обычае важной была как эстетическая сторона – дома и улицы было велено украсить хвоей, так и символическая – декорации из "вечной" хвои следовало создавать в ознаменование Нового года.

Петровский указ является едва ли не единственным документом по истории елки в России XVIII века.

После смерти Петра его рекомендации были забыты. Однако они имели довольно забавные последствия, добавив к символике ели новые оттенки. Его предписания сохранились в новогоднем убранстве питейных заведений, крыши которых перед новым годом продолжали украшать елками. По этим елкам, привязанным к колу, установленному на крыше или воткнутому у ворот, опознавались кабаки. Деревья оставались стоящими там до следующего года, накануне которого старые елки заменялись новыми. Этот обычай поддерживался в течение XVIII и XIX веков. Пушкин в "Истории села Горюхина" упоминает древнее общественное здание, то есть кабак, украшенное елкою и изображением двуглавого орла. В стихотворении Михайлова 48-го года говорится:

У двери скрипучей красуется елка.
За дверью той речи не знают умолка.
Кто елки зеленой своротит детина,
Как выпита чарка – пропала кручина.

В результате, кабаки получили в народе ходовое название елок или же Ивана Елкина: “Пойдем-ка к Елкину – для праздника выпьем!”. А в виду склонности замены алкогольной лексики эвфемизмами, практически весь комплекс алкогольных понятий постепенно приобрел елочный дуплет. “Елку поднять” – пьянствовать, “идти под елку” или “елка упала – пойдем поднимать” – идти в кабак, “быть под елкой” – находится в кабаке, “Елкин” – состояние алкогольного опьянения, и тому подобное. Эта прикрепленность елки к теме пьянства вполне органично вписалась в прежнюю семантику ели, связывающую ее с нижним миром. На протяжении всего XVIII века нигде, кроме питейных заведений, ель в качестве элемента новогоднего или святочного декора больше не фигурирует.

Помимо внешнего убранства питейных заведений, в XVIII веке и на протяжении всего следующего столетия елки использовались еще на катальных горках (на гравюрах и лубочных картинках XVIII и XIX веков, изображающих катания с гор на праздниках, святках и масленице, можно увидеть изображения небольших елочек, воткнутых в снег по краям горок). Устанавливались елочки и на площадях, традиционных праздничных балаганах и на зимних перевозах через реки.

Все эти перечисленные примеры к обычаю рождественского дерева не имеют никакого отношения. Однако сам факт украшения города вечнозеленой хвоей свидетельствует о том, как постепенно готовилась почва для превращения елки в символ Рождества.

С елкой как с ритуальным атрибутом рождественской обрядности мы встречаемся в России в начале XIX столетия. На этот раз встреча с ней состоится уже не в Москве, а в Северной столице. Приток немцев в Петербург, где их было много с самого его основания, продолжался и в начале XIX века. Выходцы из Германии привозили с собой усвоенные на родине привычки, обычаи, обряды и ритуалы, которые они тщательно сохраняли и всячески поддерживали на новом месте жительства. Поэтому неудивительно, что на территории России первые рождественские елки зафиксированы именно в домах петербургских немцев.

Судя по многочисленным описаниям святочных празднеств в журналах 1820 – 1830 годах, в эту пору рождественское дерево в русских домах еще не было в употреблении. Первое упоминание о елке появилось в газете “Северная пчела” накануне 1840 года: сообщалось о продающихся прелестно убранных и изукрашенных фонариками, гирляндами, венками елках. Год спустя в той же газете появляется объяснение входящего в моду обычая: “Мы переняли у добрых немцев детский праздник в канун праздника Рождества Христова. Деревце, освещенное фонариками или свечками, увешанное конфетами, плодами, игрушками, книгами составляет отраду детей”.

С начала 1840-х годов пришедшая из Германии елка начинает охотно усваиваться русскими состоятельными семьями столицы. Остальное население до поры до времени оставалось к ней вполне равнодушно. Однако мало-помалу она стала завоевывать и другие социальные слои Петербурга. И вдруг в середине 1840-х годов произошел взрыв: немецкое обыкновение начинает стремительно распространяться. Петербург был буквально охвачен елочным ажиотажем. О елке заговорили в печати, началась продажа елок перед Рождеством, ее стали устраивать во многих домах Северной столицы. “В Петербурге все помешаны на елках”, – иронизировал по этому поводу Иван Панаев, – “начиная от бедной комнаты чиновника до великолепного салона: везде в Петербурге горят, блестят, святятся и мерцают елки в рождественские вечера. Без елки теперь существовать нельзя – что и за праздник, коли не было елки”.

Этот внезапный взрыв интереса к елке и страстного увлечения ей вызывает удивление. Что же произошло на протяжении 1840-х годов? Думается, что столь стремительный рост популярности немецкого обычая объясняется несколькими причинами. Прежде всего, в основе лежало стремление подражать Западу. Начиная с 1820-х годов, на протяжении двух десятилетий русские увлекались модой на немецкие обычаи, язык, философию, литературу. Отсюда и увлечение немецким нововведением – рождественским деревом, которое подкреплялось модой на немецкую литературу и, прежде всего на Гофмана, елочные тексты которого (“Щелкунчик” и “Повелитель блох”) были хорошо известны русскому читателю 1840-х годов. Эти произведения печатались к Рождеству отдельными изданиями, предоставляя специальное праздничное чтение, и тем самым способствовали распространению обычая рождественской елки. Иллюстрации к ним помогали закреплению зрительного образа. Все это ускоряло практическое усвоение елки.

Существенную роль в распространении и популяризации елки в России сыграла коммерция. С конца 1830-х годов известные кондитерские Петербурга, воспользовавшись новым увлечением своих покупателей, организовали продажу уже, так сказать, готовых к употреблению, с висящими на них фонариками, игрушками и произведениями кондитерской архитектуры елок. С начала XIX века самыми известными в Петербурге специалистами в кондитерском деле стали выходцы из Швейцарии, относящиеся к маленькой альпийской народности Рейтромацц. Постепенно они завладели кондитерским делом столицы и, видя возрастающую моду на елки, воспользовались ею для улучшения своего бизнеса. Они освоили изготовление уже готовых к использованию елок. Стоили такие елки очень дорого и поэтому покупать их для своих деток могли только очень богатые добрые маменьки, на которых в первую очередь рассчитывала реклама.

На первых порах немецкое нововведение было доступно лишь состоятельным семьям, в которых организация рождественского праздника с елкой с каждым годом становится все более и более привычным делом. О продаже елок на петербургских рынках в это время еще ничего не слышно. Торговля ими началась несколько позже – с конца 1840-х годов. Продавались елки у Гостиного двора. Это, конечно же, значительно удешевило цену на деревья, хотя городские бедняки далеко не всегда могли позволить себе удовольствие устроить елку. Ведь помимо самого деревца требовались еще и елочные украшения, и свечи, и подарки для детей. Если бедняки не могли позволить себе приобрести даже самую маленькую елочку, то среди богатой столичной знати уже с конца 40-х годов начали устраиваться настоящие соревнования: у кого елка больше, гуще, наряднее, богаче изукрашена. “Дети одного моего приятеля”, – писал Иван Панаев, – “разревелись от того, что их елка была беднее, нежели у их двоюродных сестриц и братьев”. К середине XIX века немецкий обычай вошел в жизнь Российской столицы.

Само дерево, использовавшееся в качестве неременной и главной принадлежности детского семейного праздника Рождества, первоначально известного лишь под немецким названием Tannenbaum, первое время называлось рождественским деревом, что является калькой с немецкого, но вскоре получает имя елки, которое закрепляется за ним навсегда. Елкой стал называться и праздник, устраиваемый по поводу Рождества, первоначально – Новогодний праздник для детей

Освоение в России обычая рождественской елки поражает своей стремительностью. Если в начале 1830-х годов о ней говорилось как о милой немецкой затее, то в конце этого десятилетия она уже входит в обиход в домах Петербургской знати, а в течение следующего – становится в столице широко известной. К середине века из Петербурга, превратившегося в

настоящий рассадник елки, она разводится по всей России, по ее губернским и уездным городам, а некоторое время спустя, и по дворянским усадьбам. К концу столетия елка становится известным явлением, как в городе, так и в поместье.

Провинция, конечно, отставала от столицы в освоении этого обычая, хотя и не слишком сильно – регулярные и разнообразные связи с Петербургом немало способствовали быстрому его распространению. Отдельные свидетельства знакомства провинциалов с елкой относятся уже к началу 1940-х годов. Яков Полонский, отроческие годы которого прошли в Рязани, вспоминает, что до шестого класса гимназии, то есть примерно до 1838 года, он не видел ни одной елки и понятия не имел “что это за штука”. Но уже через несколько лет она вместе с французским языком была привезена из Петербурга в Рязань воспитанницами Смольного института. По словам Салтыкова-Щедрина, жившего с 1848 по 1856 год в ссылке в далекой Вятке: “Здесь елка была во всеобщем уважении уже с начала 1850-х годов”. Причина такого быстрого вхождения Петербургского новшества в жизнь провинциального города понятна: порвав со старинным обычаем празднования святок, город ощутил некий обрядовый вакуум. Этот вакуум либо ничем не заполнялся, вызывая чувство неудовлетворенных праздничных ожиданий, либо заполнялся новыми, сугубо городскими, часто на западный манер развлечениями, в том числе и устройством елки.

Помещичьи усадьбы рождественское дерево завоевывало с большим трудом. Здесь святки еще много лет продолжали праздновать с соблюдением старинных народных обычаев, вместе с дворней, что на всю жизнь формировало в бывших барчуках неприязненное отношение к елке. Так Панаев, родившийся в 1812 году, писал: “Елка не имеет для меня ни малейшей привлекательности. Потому что в моем детстве о елках еще не имели никакого понятия”. Но уже Салтыков-Щедрин, родившийся четырнадцать лет спустя, относился к ней иначе: “Воспоминания о виденных мной елках навсегда останутся самыми светлыми воспоминаниями пройденной жизни”.

И все же, мало-помалу петербургская мода начинала проникать и в усадьбы, хотя еще в течение долгого времени далеко не во всех помещичьих домах можно было увидеть елку на рождественских праздниках. Мемуаристы, вспоминая о своем усадебном детстве 1850-х годов, пишут о том, что они, мечтавшие о елке, не получали ее из-за недостаточной обеспеченности своих родителей. Если до середины XIX века в воспоминаниях, посвященных святкам в помещичьей усадьбе, устройство елки не упоминается, то через десять лет положение изменилось. В мемуарах и в переписке членов семьи Льва Толстого рассказы об организации святочных увеселений непременно включают в себя подробности эпизодов, связанных с елкой, которая стала для них обязательным и важнейшим компонентом зимних торжеств. Свояченица писателя Татьяна Кузьминская, жившая подолгу в Ясной Поляне и считавшая ее своим вторым родительским домом, вспоминает: “Ежедневно устраивались у нас какие-нибудь развлечения: театры, вечера, елка и даже катания на тройках. Здесь готовим мы на первый день праздника большую елку. Была великолепная елка с подарками и дворовыми детьми”. О том же пишут все дети Толстого в своих мемуарах: и Сергей Львович, и Илья Львович, и Татьяна Львовна Толстые. Все это происходит в 1860 – 1870-е годы. Зимние праздники в Ясной Поляне являют собой редкий пример органичного соединения русских народных святок с западной традицией рождественского дерева. Здесь елка была годовым торжеством. В последней трети XIX века елка становится в провинциальном городе, в помещичьей усадьбе столь же частым явлением, как в Петербурге или в Москве.

Поговорим теперь о том, как устраивался праздник рождественской елки. Согласно немецкой традиции, праздник елки считался днем детского семейного торжества. Первоначально она устраивалась в доме только для членов одной семьи и предназначалась детям. Интимность, домашность праздника с рождественским деревом поддерживалась и в русских домах. Такие классические елки, елки, так сказать, немецкого образца, в большинстве русских домов организовывались по более ли менее устойчивому сценарию. На первых порах присутствие в доме рождественского дерева ограничивалось одним вечером. Производимое им на детей впечатление оказывалось предельно сильным, до экзальтации. Елка производила на детей очень сильное впечатление и приводила их в состояние крайнего возбуждения, радости, восторга. Елка готовилась взрослыми членами семьи и непременно в тайне от детей. В празднике в ее честь были одновременно и предсказуемость, и сюрприз. Хотя по предыдущим годам дети знали, что елка у них непременно будет, перед каждым очередным праздником они все же сомневались “а будет ли на этот раз?”. Взрослые прилагали все усилия к тому, чтобы поддержать в детях сомнения и тем самым усилить интенсивность их переживания. Ожидание детьми очередного явления елки начиналось задолго до наступления Рождества. Этот день как никакой другой привлекал все помыслы детей. Нетерпение их возрастало с каждым днем. Когда же, наконец, наступал канун Рождества, им еще надо было дожить до вечера, а время, как казалось, тянулось вечно. Часы в этот день текли так медленно, как ужасно долго не смеркалось; рот отказывался есть. Пока дети, томясь и изнывая, ждали, когда же, наконец, наступит счастливейшая минута, взрослые занимались самым ответственным делом: накануне Рождества заранее купленное или заготовленное еловое дерево тайно от детей приносилось в лучшее помещение дома – в залу или в гостиную – устанавливалось на столе, а в последствии на пол и украшалось. “Взрослые”, – как вспоминает Анастасия Ивановна Цветаева, – “прятали от нас елку ровно с такой страстью, с какой мы мечтали ее увидеть”. Входить детям в помещение, где устанавливалась елка, до специального разрешения строжайшим образом запрещалось. Их изолировали в детскую или в какую-либо другую комнату. “Наверху нас запирают в гостиную, а мама с гостями уходит в залу зажигать елку”, □ вспоминает Татьяна Львовна Сухтина-Толстая. А Михаил Кузьмин писал в стихотворении 21-го года:

Незаслуженного дара
Ждем у запертых дверей.

В ряде европейских стран существовал обычай, заключающийся в том, что детей, перед тем как пустить на елку, держали в отдельной, совершенно темной комнате, для того чтобы блеск свечей, роскошь игрушек и елочных украшений показались им еще прекрасней. В русской традиции этот, как кажется, жестокий обычай не был принят.

У отделенных от взрослых и изолированных в замкнутых пространствах детей нетерпение возрастало с каждой минутой. “Волнение наше доходит до крайних пределов”, – Татьяна Сухтина-Толстая. “Волнение наше было такое, что мы уже не можем сидеть на месте, двадцать раз подбегаем к двери и время кажется длинным-длинным”, – Илья Львович Толстой. Дети не могли видеть то, что делается в доме, но по всевозможным знакам они всячески стремились догадаться о происходящем за пределами их комнаты: прислушивались, подглядывали в замочную скважину или в дверную щель. Как писал Михаил Кузьмин в 21-м году:

Не видна еще ребенку
Разукрашенная ель.
Только луч желто и тонко
Пробивается сквозь щель.
В двери светлая полоска
Так заманчиво видна.

А Князев писал в 1910-м году:

О, дайте нам елку! Волшебную елку
С гирляндами пестрых огней.
Заставьте томиться, заглядывать в щелку,
Гореть у закрытых дверей.

Лишенные возможности видеть дети начинали активно использовать другие органы чувств: их слух и обоняние возбуждались до предела. Когда же, наконец, все приготовления бывали закончены, детям либо подавался условный сигнал – раздавался волшебный звонок, либо за ними приходил кто-то из взрослых или слуг. “Слышим приближающиеся из зала шаги мамы к гостиной двери. Обычно мы, все дети, ждали в соседней комнате пока двери не откроются и лакей Петр в черном фраке и белых перчатках не заявит торжественно: “Милости просим”. Двери залы открывались и детей впускали в помещение с елкой”. Этот момент раскрывания дверей упоминается во множестве мемуаров. Он был для детей долгожданным и страстно желанным мигом вхождения в елочное пространство, соединением с волшебным деревом. “Наконец, все готово. Двери залы отпираются, из гостиной вбегаем мы”. “Вслед за этим двери отворяются на обе половинки, и нам позволено войти”. “Вечером вдруг распахивались двери, за которыми мы давно уже стояли в нетерпении. Нам навстречу распахиваются высокие двухстворчатые двери и во всю их сияющую широту, во всю высь вдруг взлетающего вверх зала, до самого потолка, не существующего, – она”.

Эффект, производимый на детей видом елки, для которого уже не было ни голоса, ни дыхания и от которой нет слов, описан многими мемуаристами. Первой реакцией на блестящее разукрашенное дерево было оцепенение, почти ослепление. “В первую минуту мы стоим в оцепенении перед огромной елкой – она доходит до самого потолка”. “Ослепленные огнем десятка свечей, мы выливались из столовой веселой гурьбой и на время замирали, не скрывая произведенного на нас впечатления”. “Представ перед детьми во всей своей красе, разукрашенная на самый блистательный лад, елка неизменно вызывала изумление, восхищение, восторг”. “И блестящая как солнце елка почти ослепила глаза всем”. “Как двери настежь открыли, так дети все ахнули”. После того, как проходило первое потрясение, следовала бурная реакция детей на елку: крики, ахи, визг, прыганье, хлопанье в ладоши и так далее. “Дети закричали, заахали от радости”. “Дети с громкими криками радости прыгали и скакали около дерева”. Затем наступало тихое, интимное общение ребенка с елкой. Каждый из них любовался ею, рассматривал висящие на ней игрушки, разбирали свои подарки. В конце праздника наступала психическая разрядка. Доведенные до крайне восторженного состояния дети получали елку в свое полное распоряжение. Они срывали с нее сласти и игрушки, разрушали, ломали и полностью уничтожали дерево, что породило выражения “грабить елку”, “щипать елку”, “рушить елку”. Отсюда произошло и название самого праздника: “Праздник ощипывания елки”. Детям предоставлялась полная свобода для ненормативных действий. Они выпускали свои чувства наружу и, в этом отношении, разрушение елки имело для них психотерапевтическое

значение разрядки после пережитого ими долгого периода напряжения. В тех случаях, когда такой разрядки не было, праздник часто заканчивался разочарованием, слезами, скандалами, долго не проходившим возбуждением.